

Варшава-Москве • Москва-Варшаве

ЖИЗНЬ В БОЛЬШОМ ИСКУССТВЕ

СОВЕТСКИЕ знатоки и любители оперной музыки избалованы множеством успешных, а порой и блистательных постановок отечественных и зарубежных музыкальных театров. Тем отраднее было присутствовать на празднике режиссерского искусства — спектакле «Кармен» Большого Варшавского театра оперы и балета.

Опозитивизированный реализм — душа и сердце замысла постановщика Эдхарда Фишера, отклонившего многие «рецензенты», с большим или меньшим успехом применявшиеся режиссерами всех стран, куда попала эта опера капризной судьбы. Реализм бесхитроустный, но глубоко волнующий позволил постановщику сочинить «звучащее» зрелище. Здесь все компоненты, из которых состоит оперный спектакль, прочно заняли отведенные им места, и, казалось, достаточно вынуть хотя бы одну мизансцену, чтобы все зрелище распалось, а в звучании образовался досадный для уха диссонанс.

Суть этого единства заключается в том, что с оперы напрочь снято все нестрое оперетте, фальшивая костю-

мированная «испанность». Перед глазами зрителя — картины жизни, такой, какая она есть, без прикрас. Никто из участников драмы не «появляется», не «возникает» и не паряжен в цветистый костюм, отличающий его от общества, в среде которого происходит столкновение людских судеб.

Так, Хозе (артист Веслав Охман) — простой крестьянский парень, ничем не отличающийся от своих товарищей солдат. Может быть, чуть-чуть он более красив, у него чуть больше огня в глазах, и все же он сохраняет образ простоты, не оперный, а жизненно-достоверный герой.

Так же, как в звучании спектакля найдены и сохранены единые тембровые краски, так и в оформлении постановки художник Вильфрид Верц идет рука об руку с постановщиком.

Но вернемся к главным персонажам оперы Бизе. Я уже отметил, что Хозе занял свою скромную тропинку на жизненной дорожке, по которой постановщик ведет участников драмы. Юноша полон мыслями о деревне, и повадки его деревенские, и жесты неуклюжи и смешливы. И с первых слов его, произносимых певучим пе-

потом, еще не понимаешь, что перед тобой один из двух главных персонажей драмы.

Также несколько не подчеркнуто и выдвигание на первый план героини оперы — Кармен. Она одарена талантом, привлекает к себе внимание окружающих, но девушка ничем этот свой дар не подкрепляет. Поэтому ее «Хабанера», мастерски исполненная, не носит ни на один момент характер пресловутого выходного номера. И так же, как Веслав Охман — Хозе, исполнительница партии Кармен — Кристина Шостек-Радкова мало-помалу раскрывает свой дар незаурядной вокалистки, от сцены к сцене, от картины к картине усваивается впечатление от вокального мастерства этих двух исполнителей.

Даже так называемый выход тореадора (артист Владимир Давыдов) намеренно приглушен в голосах толпы его поклонников, ибо и он в их среде обыкновенный человек. Только, когда его буквально вытащили на первый план игровой площадки и оркестровая лавина нахлынула всей мощью неповторимого по страсти и проникновенности музыкального шедевра Бизе, Эскамильо несколько возвышается над толпой.

Окончательно приходишь к убеждению, что все эти несомненные удачи являются результатом интересного замысла постановщика в квинтете (второе действие), решенном с удивительной пластической и мизансценической изобретательностью. В этом эпизоде особенно поражают простота, четкая слаженность и огромная выразительность ансамбля. Его исполнители Ян Гуральский (Данкайро), Казимеж Длуха (Ромендадо), Агнешка Коссаков-

ская (Фраскита), Анна Малевич (Мерседес) во главе с Кристиной Шостек-Радковой (Кармен) показали высокий класс вокального мастерства и огромную сценическую культуру.

С удивительной новизной выделен в спектакле образ капитана Цуниги: режиссер лишил его каких бы то ни было черт штампованной гротесковости и грубого комизма. Завидными вокальными и сценическими данными обладает исполнитель этой роли артист Рихард Арнинг.

Несколько слов хочется сказать о сцене Хозе и Микаэлы (артистка Божена Кинаш-Миколайчик) в первом действии. Сколько копий было сказано вокруг вопроса, как поставить этот развернутый дуэт, чтобы он оставался лирически-трогательным диалогом, сценически выразительным, напряженным и чтобы при этом не потеря-

лась его вокальная значимость. В рецензируемом спектакле и постановщик, и исполнители доказали, что понятие «поющий актер» сохранилось и развивается не только в советских музыкальных театрах, но прочно утвердилось и за рубежом. Незабываема и концовка спектакля. Ни одна душа не приближается к пришедшим к горькому концу своего пути Кармен и Хозе. Там, наверху, на галерее, видимой зрителю, и в переполненном цирке, за пределами видимости, глаза и сердца людей захвачены тем, что происходит на арене. А здесь на последней клочке земли — умирающая Кармен: она приняла смерть, чтобы не попортить любовь. И возле нее только один человек — убитый горем деревенский царь Хозе, который не смеет даже прикоснуться к той, что была смыслом его жизни.

Хор Варшавского театра (хормейстер Юзеф Бок) безукоризненно справляется со своей сложной задачей и неизменно остается в заданных постановщиком образах.

Дирижер спектакля Мечислав Новаковский, неожиданно заменивший главного дирижера Здислава Гужиньского, провел спектакль с отличной стройностью.

Совершенно в ином плане решена опера-оратория Игоря Стравинского «Царь Эдип». Это, несомненно, заметное художественное явление в жизни Польской Народной Республики.

Прежде всего о внешнем облике постановки: в «Царе Эдипе» художник Ян Косинский, выполняя творческий замысел режиссера Копрала Свинарского, изобрел такое скульп-

турное оформление спектакля, которое еще до того, как зазвучал оркестр, вводит зрителя в атмосферу эллинических театральных представлений.

Опера «Царь Эдип» примечательна не только своей выдающейся музыкой, в которой палитра современных средств выразительности, острота гармонии, подвижность и динамичность звучания органически сочетаются с вокально-симфонической монументальностью, но и внешней статичностью, которая в драматическом театре едва ли смогла бы привлечь внимание зрительного зала.

В действие вступает один говорящий актер (Александр Бардин), который кратко излагает существо драмы и ход событий, почти не прерывая музыкальную ткань партитуры до самого момента финальной катастрофы — ухода Эдипа (артист Казимеж Пустьядж) к «медному порогу преисподней».

Гармоничный зрительный и вокальный образ Иокасты, волею судеб оказавшейся женой своего собственного сына Эдипа, великолепно воссоздает Кристина Шостек-Радкова. Артистессе помогают ее прекрасный голос широкого диапазона и незаурядное актерское дарование. И певцы Марк Домбровский (Креонт), Бернард Ладан (Тиресий) и другие участники постановки с честью справляются со своими трудными вокальными партиями.

Особого признания заслуживает в этом спектакле коллектив оркестра и хора, филигранно тонко и высокохудожественно прочитавшие сложнейшую партитуру Стравинского. Успеху спектакля во многом способствует талантливый коллектив посланцев Польской Народной Республики.

Прежде всего о внешнем облике постановки: в «Царе Эдипе» художник Ян Косинский, выполняя творческий замысел режиссера Копрала Свинарского, изобрел такое скульп-

И. ЗНАТОГОРОВ,
заслуженный артист РСФСР
и БССР.